

© 2018

Аркадий Мартынов

доктор экономических наук, главный научный сотрудник
(Институт экономики РАН, Международный научно-исследовательский
институт социального развития)
(e-mail: socpolamv@mail.ru)

ОБ ИДЕОЛОГИИ БУДУЩЕГО МИРОВОГО ПРОГРЕССА (поворот к устойчивому развитию общества)

В статье рассмотрены дискуссионные вопросы, связанные с претворением в жизнь идеологии устойчивого развития общества. Особое внимание уделяется исходному концептуальному представлению о будущей устойчивой системной трансформации на основных полях социальных действий. Автор обосновывает позицию в пользу предпочтительности устойчиво поступательного экономического и общесоциального прогресса и выбора национальной модели среднего пути развития.

Ключевые слова: устойчивое развитие, трансформация, социальная система, институты, технологии.

DOI: 10.31857/S020736760002496-4

В противовес мало оптимистичному взгляду на сегодняшний мир очень велико желание обрисовать возможный переход к позитивному глобальному будущему, хотя и достижимому лишь путем преодоления больших препятствий. Попробуем хотя бы частично реализовать этот замысел.

Концептуальное видение общесоциального прогресса. До последнего времени мировое развитие в нынешнее посткризисное десятилетие характеризовалось отсутствием значимого технологического и институционального прогресса. Наиболее весомым фактором экономического развития почти во всех развитых странах выступает рост капитала на обычных рынках. Макроэффект роста существующего высокотехнологичного и наукоемкого капитала и, в частности, инвестиций в информационные технологии сегодняшнего поколения фактически достиг насыщения уже длительное время назад.

В целом вырисовывается почти мрачная картина стагнации технологического и институционального прогресса, судя хотя бы по динамике признанных на международном уровне индикаторов — тотальной или мультифакторной производительности. По сути дела однозначно превагирует инерционный тренд экономического развития. И он распространяется на другие сферы жизни современного социума, зримо проявляясь в очень медленном реформировании политических систем и институтов в социальных секторах.

Ошеломляет феномен миграционного прилива, превысившего 3% от всего населения планеты. Он обусловлен разрывом между потребительскими и культурными запросами и возможностями их удовлетворения граждан бедных и, тем более, кризисных стран. И в очень многих стра-

нах наблюдается избыточный приток мигрантов относительно потребностей национальной экономики с учетом сильного замедления экономической глобализации. Все более угрожающей становится диспропорция между постоянно расширяющейся волной мировой миграции, с одной стороны, и замедленным ростом глобальных и мультирегиональных рынков наряду со стагнацией и даже снижением масштабов прямых иностранных инвестиций, с другой.

При таких обстоятельствах второе пришествие неоконсервативного капитализма, ориентированного на максимальный оборот и прибыльность национального частного капитала в традиционных, невысокотехнологичных и не наукоемких секторах, выглядит вполне объяснимым. В свою очередь реализация этих целей хорошо сочетается с экономическим национализмом — созданием условий для максимальной конкурентоспособности производителей в своих странах.

Нынешний агрессивный неоконсервативный курс, проводимой администрацией США, принес только временные успехи. По широко распространенному мнению, в долгосрочном плане результат реализации этого курса будет негативным. К концу следующего года, вероятно, произойдет исчерпание стимулирующего эффекта снижения налогов на бизнес и, наоборот, усилится эффект ответного повышения зарубежных тарифов. Как следствие, потребуется сокращение государственных расходов, сопровождаемое неизбежным повышением процентных ставок ФРС. И, в конечном счете, наступит фаза продолжительной рецессии с учетом действия циклических факторов.

По всем признакам американская моногегемония безвозвратно ушла в прошлое. Однако можно констатировать: на геополитическом пространстве фактор силы, обуславливающий заведомые аномалии на межгосударственном уровне, определенно превалирует.

И понятны пессимистические ожидания безоговорочного превращения фактора силы в главенствующий в международных отношениях в случае полного восстановления гегемонистской дуополии в лице США и его ближайших союзников, с одной стороны, и Китая-России, с другой. Тогда произойдет раздвоение мира, в институциональном отношении более глубокое в сравнении с эпохой противостояния западного и социалистического блоков в 1960-1980 гг.

Без всякого преувеличения, мировое сообщество и большинство его членов — суверенных стран стоит перед выбором неотложных адекватных, в полной мере реалистичных долгосрочных решений, позволяющих сконцентрировать усилия на преодолении возникших препятствий к прогрессу. Для обоснования этих решений требуется принимать в расчет всю совокупность экономических и других социальных изменений, связанных с фундаментальными, совсем не краткосрочными структурными сдвигами — технологическими, ресурсными, организационными и, конечно, институциональными.

Исходя из сказанного, резонным выглядит обращение к концепции экономического и в целом социального развития как системной транс-

формации [1. С. 4–22]. Она как раз предполагает интегративное представление значимых компонент вектора развития конкретного общества как социальной системы в реальном пространственно-временном измерении.

Трансформация социальной системы в традиционном (узком) ее понимании охватывает основные поля социальных действий, экономические, политические, статусные и отчасти культурные, характеризующиеся наличием определенного институционального устройства и ресурсного обеспечения. При этом необходимо принимать в расчет, что социальные изменения на институционально структурированных полях неизбежно сопровождаются в значительной мере не институционализированными процессами технологических, демографических и климатических изменений. Тем самым социальная системная трансформация происходит в итоге взаимодействия разнородных эндогенных институциональных/ресурсных сдвигов. Как и многообразных экзогенных процессов; таких, как изобретение принципиально новых технологий, перемена циклов солнечной активности и др.

Исходная посылка системной трансформационной концепции развития-прогресса заключается в перманентном изменении производственных, личных и общественных потребностей, на основе достижимых новых ресурсных, институциональных и технологических возможностей, ожидаемых демографических и климатических перемен. Эти потребности, в свою очередь, предопределяют будущий структурный/ мультисекторный вектор потенциального выпуска на экономическом пространстве и вектор потребных долгосрочных сдвигов на других полях социальных действий. Именно они выступают объективными ориентирами фундаментального развития социального макроса как целостной системы, в ходе которого при обеспечении необходимых условий могут произойти желаемые трансформационные преобразования в соответствии с критериями прогресса. В качестве них в первую очередь выступают критерии повышения благосостояния/благополучия в широком его понимании, с учетом состояния среды человеческого обитания. В соответствии с признанной на международном уровне позицией интегративное благополучие социума отражается индексами качества жизни и человеческого развития. Их дополняют индексы счастья, практика оценки и сравнительного сопоставления которых также получила широкое распространение [2].

Расхождения между потенциальными возможностями удовлетворения потребностей и их фактическим удовлетворением применительно к разнообразным процессам, опосредствующим изменение вектора состояния всей социальной системы, фиксируют трансформационные разрывы-гэпы [3; 4]. Тем самым в операционном плане трансформационный переход от одного состояния социальной системы к более прогрессивному может быть представлен как в той или иной мере преодоление суммарной величины разнообразных гэпов с учетом их взаимной связанности.

И, не прибегая к очевидным математическим доказательствам, можно утверждать: исходя из общеизвестного критерия оптимального межвременного соотношения затрат и результатов, предпочтительна трансформация социального макроса как системы по стабильной долгосрочной траектории, которую принято именовать устойчиво поддерживаемой (sustainable). Ее имманентной чертой выступает не скачкообразное, а неуклонно последовательное приближение к реально достижимым трансформационным рубежам, исходя из выявленных возможностей.

Тем самым абсолютно логичным выглядит востребование универсальной идеи интегративного устойчивого развития применительно к системной (именно системной!) трансформации всего общества. Эта идея, стоит заметить, витает в воздухе, хотя бы судя по целому ряду недавних исследований и публичных докладов Всемирного Банка и МВФ.

Следуя такому подходу, неотъемлемой составляющей желаемого развития общества как всеохватывающей социальной системы выступает устойчивая трансформация. Она выражается в достижении перспективных экономических, политических, экологических и других параметров, количественных и качественных, состояния социальной системы, которые полагаются, в соответствии с принятыми критериями, устойчиво соблюдаемыми в процессе развития.

Судя по жестким современным реалиям, в отношении национальных интересов отдельных стран императив устойчивости в решающей мере проявляется в гарантированности сохранения приемлемого уровня и качества жизни и в целом социального благополучия. Это достижимо посредством взаимодействия всех общественных сил, включая корпоративный и иной бизнес. Но главная ответственность за постоянное обеспечение приемлемости результатов национального развития однозначно лежит на государстве.

Такая роль государства как гаранта устойчивого развития определено несовместима с неолиберализмом, как и о неоконсервативным капиталистическим курсом. То же касается, уместно добавить, и идеологии современного корпоративизма. Эффект благотворительной деятельности крупных корпораций, называемой социально ответственной, неизбежно ограничен и заведомо не распространяется на многие направления развития общества.

Разумеется, имеет смысл уточнить: желаемая трансформация общества в полной мере не исчерпывается процессами устойчивых изменений. Она может включать в себя процессы более прогрессивных перемен, выступающих результатами инициативных решений сугубо рыночных агентов и социальных предпринимателей при условии сохранения в целом устойчивого развития на основных полях социальных действий.

Несомненно, обозначенный исходный подход к проектированию будущего социального прогресса призван опираться в первую очередь на давно признанную международным сообществом рамочную концепцию устойчивого развития (УР) [5]. Ее последняя версия, как известно, представлена в официальном меморандуме «Преобразование нашего

мира: Повестка дня для устойчивого развития на 2030” или просто Повестка, принятом на специальном саммите ООН в сентябре 2015 года [6]. При этом Повестка универсально адресована в равной мере развитым, постразвивающимся и развивающимся странам.

Крайне важно и то, что рассматриваемая концепция УР в ее нынешнем виде интегративна. Достижение поставленных целей в принципе предполагается равно приоритетным и взаимосвязанным в течение 15-летней перспективы (2016–2030 гг.).

Принципиальная новация заключается в принятии императива создания эффективных институтов на всех уровнях, зафиксированного в 16 цели Повестки. Едва ли не решающее значение для успешного интегративного УР, по мнению адептов обновленной концепции, приобретает феномен распространения инклюзивных институтов [7, р. 61–76]. Эти институты, в большинстве своем базирующиеся на принципах универсальности и отсутствия дискриминации, предоставляют равные права и возможности для производителей и потребителей, как и доступ ко всем ресурсам и услугам. Им противостоят эксклюзивные институты, обеспечивающие изъятие ресурсов в пользу групп, обладающими экономической и политической властью, за счет остального общества [8].

И, как подчеркнуто в меморандуме саммита G-20 2016 года в Китае [9], необходимо создание подходящей институциональной среды для инклюзивного независимого бизнеса, включая социальное предпринимательство. В будущем именно инклюзивный бизнес призван играть ключевую роль в достижении императивов устойчивого развития.

Вместе с тем, по мнению многих исследователей (автора в их числе), нынешняя идеологическая концепция УР выборочно сегментационна, усечена по своей направленности и на самом деле далека от системной. Главное внимание в ней сфокусировано на экологических и гуманитарных проблемах, сбережении природных ресурсов и применении воспроизводимых ресурсов, преодолении последствий ухудшения климата, утверждении и повышении эффективности отдельных институтов. В то же время проблемы фундаментального институционального реформирования и адаптации к коренным технологическим переменам, от разрешения которых в решающей мере зависит возможность достижения именно устойчивых приемлемых траекторий производства, потребления и занятости, по существу только зафиксированы с использованием прежних формулировок.

В теоретическом плане Повестка по-прежнему опирается на давнюю хрестоматийную модель «трех столпов» устойчивого развития – экологического, экономического и социального [10]. При такой исходной структурной градации экологические целевые ориентиры выступают сугубо экзогенными параметрами, предопределяющими желаемые изменения экономических перемен, особенно в рамках наиболее ресурсоемких секторов. Но на самом деле состояние ареалов окружающей среды претерпевает изменения в результате всей социальной деятельности, а не только функционирования отдельных экономических секторов. И в

решающей мере достижение экологических императивов является следствием институциональных новаций и адаптации к технологическим инновациям на общесистемном уровне.

Сказанное, конечно, не ставит под сомнение целесообразность относительно автономной экологической политики. В скандинавских странах, где автору приходилось бывать, именно такая активная политика позволила добиться улучшения социального климата, оказавшего в свою очередь сильное позитивное воздействие на результаты национального развития.

В серьезной корректировке, по нашему мнению, нуждается и представленная адептами рамочной концепции трактовка инклюзивных институтов. Следует иметь в виду, что не все эффективные институты, необходимые для устойчивого развития, относятся к инклюзивным и, тем более, не все могут быть инкорпорированы в рамки контрактных отношений. Сказанное в первую очередь касается институтов общественно-государственного регулирования. Многие из них в принципе не инклюзивны, как, например, инструменты прогрессивного налогообложения. Также к инклюзивным определенно не относятся ключевые институты, функционирующие на корпоративных и других ограниченно конкурентных рынках, ряд неформальных политических институтов и в значительной части неформальные социальные нормы, обусловленные спецификой национального развития.

Еще более существенно то, что рассматриваемая концепция по существу не носит трансформационный характер в институциональной проекции. Желаемые образцы инклюзивных институтов как бы априори зафиксированы, хотя и предполагается их развитие в значительной мере благодаря целенаправленной политике на разных полях социальных действий со стороны государства.

Исходя из приведенной ранее аргументации, реалистичное проектирование институциональных изменений в увязке с ресурсными и организационно-поведенческими переменами, необходимыми для устойчивого развития, призвано опираться на исчерпывающее представление трансформаций на основных социальных полях как системных процессов. Решающее значение приобретает позиционирование во времени и пространстве институциональных и одновременно ресурсных трансформационных сдвигов с учетом влияния внешних экзогенных факторов (технологических, демографических и климатических перемен) и институциональных/ресурсных изменений на "смежных" полях социальных действий. В результате становится достижимым адекватное отражение интегративной трансформации всего вектора параметров социальной системы, исходя из императивов устойчивого развития. При этом, особо отметим, достижение экологических улучшений и относительной климатической стабилизации выступает предполагаемым интегративным следствием трансформационных сдвигов во всех областях социальной деятельности.

В практическом ракурсе путь разрешения обозначенной проблемы устойчивой общесоциальной системной трансформации представляется вполне понятным. Во-первых, требуется позиционирование самого системного трансформационного перехода к устойчивому глобальному прогрессу. Во-вторых, в отношении дальнейшей перспективы необходимо обоснование траекторий движения в русле устойчивой системной трансформации и условий их воспроизводства.

Переход к глобальному устойчивому развитию. Следует признать, что по основным вопросам, касающимся перехода к траектории глобального устойчивого прогресса, нет согласия в исследовательских кругах. Вместе с тем бесспорно конструктивной выглядит позиция в пользу достижения стабильно поступательного развития мирового сообщества в рамках основных социальных полей как неотъемлемого условия такого перехода. Уместно сфокусировать внимание на целом ряде позитивных вероятных сдвигов, осуществление которых в целом обусловит перелом регрессивной траектории глобального развития.

Первый сдвиг. Исключительное значение для улучшения состояния мировой экономики и геополитической ситуации будет иметь удачное воплощение замысла осуществления назревшего «нового дела», по ставшим теперь расхожим выражению, в странах ЕС, к которым, подчеркнем это обстоятельство, давно примыкает Япония. Большой экономический, инновационный и человеческий потенциал стран-проводников европейской интеграции в ее новом качестве позволяет надеяться на успех, несмотря на значимые центробежные процессы.

Критический вопрос заключается в осуществлении новой европейской оборонной программы, инициированной Францией и Германией. ЕС ставит перед собой задачу располагать вооружениями, способными обуздать потенциального агрессора путем адекватного превентивного/ответного удара. Масштабные разработки в этом направлении могут быть доведены, судя по примеру Китая и России, до практического позитивного результата в ближайшие сроки.

Второй сдвиг. Грандиозная экономическая экспансия Китая в западном мире по всем признакам еще более усилится. Она имеет своим следствием повышение экономического роста и потребительского благосостояния во многих странах.

Как известно, китайские руководители выступают за скорейшее реформирование мировой валютно-финансовой системы. Это реформирование, возможно, станет важнейшим шагом к установлению в дальнейшем справедливого экономического порядка на глобальном уровне.

Третий сдвиг. Индия, Бразилия, Индонезия и ряд других пострадавших стран с их совокупным огромным потенциалом определенно способны добиться существенного экономического и гуманитарного прогресса в ближайшие годы. На глобальном уровне это зримо выразится в столь желаемом сокращении бедности и разрыва в доходах.

Также в ближайшей перспективе можно прогнозировать политический прогресс во многих странах Латинской Америки. Благоприятные

экономические, а с ними и политические сдвиги, вероятно, произойдут и на Африканском континенте.

Четвертый сдвиг. В настоящий момент во всей полноте встает проблема адаптации научных и технологических достижений в различных экономических и социальных секторах. Но она может быть успешно разрешена посредством масштабной и одновременно избирательной инновационной политики, особенно активируемой в Китае, Японии и в ведущих европейских странах. Тогда будет достигнут трудно переоценимый глобальный эффект в наступающем периоде распространения новых цифровых и иных технологий, называемом четвертой промышленной революцией. Он выразится в общемировом инновационном/ технологическом прогрессе, затрагивающем большинство стран. Превалирующая тенденция инерционного развития мировой экономики будет переломлена.

Пятый сдвиг. На основе широкого международного консенсуса может быть дан адекватный ответ на мировой миграционный вызов. Твердая, обоснованная миграционная в привычном отношении политика, разумеется, учитывающая гуманитарные ценности, утверждает себя. Достигнутое согласование позиций стран ЕС по вопросам миграционной политики – убедительное подтверждение сказанному.

Вместе с тем крайне необходимой остается интенсивная финансовая помощь развивающимся странам и самое активное участие в реформировании их экономик и социальных секторов со стороны ЕС, Японии, Китая и других индустриальных стран. В результате может резко сократиться число слабых, политически зависимых государств, что повлечет за собой и кардинальное ослабление миграционной аномалии.

Заключительный сдвиг. Совместные усилия прогрессивных правительств развитых стран по стабилизации климата, предопределенные Парижским соглашением 2016 года, и улучшению экологии увенчаются заметным успехом. Тогда, вероятно, произойдет действительное мировое признание экологических, да и других императивов устойчивого развития, что в конечном счете, затронет США и Россию, как и весь бывший Третий мир.

Вследствие обозначенных трансформационных изменений в глобальном масштабе факторы прогресса будут заведомо превалировать над инерционными факторами на экономическом пространстве. А повышение социального благополучия в широком его понимании для граждан большинства стран станет постоянным трендом.

Наряду с этим столь же важно достижение стабильного политического прогресса. Хотелось бы особо обратить внимание на следующее обстоятельство. В случае выполнения обозначенных позитивных сдвигов, в их числе создания мощного оборонительного щита континентальной Европы, фактор военного потенциала перестанет играть доминантную роль в мировом балансе сил. Он будет формироваться в зависимости и от других значимых факторов, определяющих экономический и политический вес разных стран и их альянсов. Пресловутая дуополия власти

над миром не будет иметь места, несмотря на возможное сохранение противостояния США/НАТО и военного союза России и Китая.

К достижению устойчивой общесоциальной системной трансформации. Системное представление устойчивой трансформации общества в перспективе предполагает охват всех значимых направлений социального развития в их целостном единстве на национальном, региональном и глобальном уровнях. По-видимому, основные критериальные признаки этого процесса могут быть сформулированы таким образом: 1) формирование стабильно долговременных траекторий основных ресурсных, как и фундаментальных институциональных и организационных сдвигов, в направлении потребных структурных целевых ориентиров на перспективу, отражающих весь набор экологических, общегуманитарных и иных параметров устойчивого развития; 2) надежная адаптация к предполагаемым технологическим, демографическим и климатическим переменам в той мере, в какой они выступают в качестве экзогенных факторов относительно трансформации всей социальной системы и ее основных составляющих.

Разумеется, нельзя не принимать во внимание существование огромного числа процессов не устойчивых изменений, имея в виду хотя бы циклические колебания рыночной конъюнктуры, влияние технологических шоков, спорадические политические пертурбации и социальные конфликты. Они могут быть регрессивными и оказывать очень существенное воздействие на фундаментальные перемены, приводя к нарушению условий устойчивой системной трансформации. И, по-видимому, проблема нейтрализации рисков такого влияния в будущем будет выступать центральной в ходе проектирования долгосрочных стратегических решений и механизмов их реализации.

Попробуем хотя бы эскизно представить будущую устойчивую системную трансформацию на основных полях социальных действий.

Устойчивая экономическая системная трансформация. Ожидаемые будущие перемены в начале двадцатых требуют переосмысление понимания устойчивого экономического развития как непрерывного пространственно-временного трансформационного процесса. Наиболее весомый вклад в экономический выпуск призван вносить технологический и институциональный прогресс. Именно он выступает основным средством обеспечения долгосрочной конкурентоспособности национальных экономик, а не агрессивная протекционистская политика по нынешнему американскому образцу.

Развертывающаяся в настоящее время новая индустриализация открывает путь для максимального сокращения потребления углеводородов и других воспроизводимых ресурсов и их замене на воспроизводимые при грандиозном распространении зеленых технологий, осуществлении эффективных индустриальных проектов, особенно инфраструктурных, именно по экологическим критериям. Как следствие, будет достигаться желаемый весомый эффект дикаплинга, когда экономические

результаты растут намного быстрее, чем потребление ресурсов и масштабы его воздействия на окружающую среду.

По всей видимости, в глобальном масштабе произойдет долгожданный структурный сдвиг в сторону превалирования инновационного и высокотехнологического экономических секторов, где будут использоваться воспроизводимые ресурсы и применяться энергоэффективные, безотходные и малоотходные технологии. Одновременно правомерно ожидать становления в большей части мира зеленой экономики, отвечающего императивам экологической приемлемости и климатических улучшений. Уже сейчас в мире имеется значительное количество готовых к широкому применению экономически и экологически эффективных «зеленых» технологий. И это дает основания надеяться на постепенное (именно постепенное!) элиминирование существующей «коричневой экономики». Долгожданным последствием кардинального сокращения потребления невозпроизводимых ресурсов станет сохранение биоразнообразия и приумножение природного капитала на базе восстановления и распространения новых экосистем.

Вместе с тем неприемлемо упрощать проблему рыночной адаптации к новым технологиям в обозримой перспективе. Как свидетельствуют многочисленные факты, применение ряда новых технологий, в их числе цифровых технологий, в принципе не отвечает критерию экономической стабильности. Вполне вероятен шоковый эффект развития отдельных рынков, где эти технологии внедряются. Так, по мнению ряда исследователей, последствия роботизации и применения технологий, базирующихся на искусственном интеллекте, скажутся весьма болезненно на рынках труда.

В перспективе возникнет долговременная потребность в создании специальных регулирующих механизмов. В первую очередь это предполагает применение непосредственно в рыночной среде новых социальных технологий, которые начинают разрабатываться.

Неотъемлемым императивом устойчивой системной трансформации в будущем выступает и поддержание занятости в рыночных и социальных секторах в полном соответствии с Повесткой. Животрепещущая проблема сокращения относительной доли трудоспособного контингента в составе населения развитых стран вследствие его старения, вероятно, будет разрешаться в существенной степени за счет регулируемого притока иностранной рабочей силы на строго правовой базе.

Важнейшим качественным императивом будущего УР также является справедливая оплата труда при гендерном равноправии. При выполнении этого условия будет достигаться, как следует из страноведческих исследований, столь желаемое сокращение дифференциации доходов и личного/семейного богатства.

В обозримой перспективе в наибольшей мере призваны относительно увеличиться капитал и возрасти доходы инноваторов и высокотехнологичных производителей. Но желательно относительное сокращение капитала финансовых субъектов и рентных доходов, сопровождающееся эли-

минированием гипертрофированно высокодоходных составляющих рынка капитала и широких ниш для финансовых спекуляций. При этом неотъемлемым условием выступает поддержание финансовой сбалансированности, что опять-таки зафиксировано в Повестке, применительно к отдельным национальным экономикам. Это особенно важно при осуществлении будущих долговременных структурных реформ.

Согласно ряду прогнозов, вероятно, потребуется оставлять и действующий сейчас режим жесткой монетарной стабилизационной политики. Он должен быть дополнен нейтрализацией незаконной/ криминальной экономической деятельности и антикоррупционным курсом на устойчивой правовой базе.

На глобальном, мультирегиональном и национальном уровнях необходимо в качестве доминантного требования поддерживать устойчивый экономический порядок. Он предполагает беспрепятственный стабильный торговый режим, как и стабильные режимы международного движения капитала в его разных формах и рабочей силы. И, что самое важное, согласованное применение глобального, регионального и национального законодательств. Все это несовместимо с прежним либеральным (конечно, только на словах!) международным экономическим порядком эпохи американской гегемонии.

Можно предполагать, что на мировой арене, по крайней мере, три группы стран будут сопоставимы по рыночному потенциалу: 1) США, Британия и остальные страны с сохранившимся превалирующе капиталистическим институциональным укладом; 2) Китай, Индия, Россия, Бразилия и ряд других не западных стран; 3) страны континентальной Европы, а также Япония и Канада. Наряду с этим весьма весомой останется роль региональных экономических союзов, в которые входят другие страны. В условиях такой многосторонней международной конкуренции есть основания предполагать, что большинство стран будут выступать в качестве равноправных членов мирового экономического сообщества. В свою очередь, установление такого равноправного порядка выступит предпосылкой дальнейшего движения к полномасштабной экономической глобализации.

Разумеется, не стоит ставить под сомнение необходимость поддержания позитивной мировой экономической динамики ради благополучия всего человеческого социума, как это зафиксировано в меморандумах G-20 последних лет. Вместе с тем имеет смысл обратить особое внимание на весомые аргументы в пользу сохранения относительно умеренных темпов экономического роста и в период двадцатых.

Первый аргумент вполне понятен: приоритеты устойчивого развития диктуют целесообразность качественного улучшения большинства существующих рынков при их ограниченном ресурсном росте. И это становится достижимым в результате взаимодополняемого сочетания двух процессов: внедрения новейших технологий двадцатых годов, обеспечивающих максимальную экономизацию затрачиваемых ресурсов, и по-

всемирного использования воспроизводимых ресурсов и безотходного производства в технологически «старых» экономических секторах.

Второй, не менее значимый аргумент: для воспроизводства потенциала будущей зрелой постиндустриальной экономики, базирующейся на эффективном использовании энергетических и прочих ресурсов, в основной своей доле воспроизводимых, не требуется максимальный количественный рост новых технологий и новой техники. Спрос на новые информационные цифровые технологии и компьютеры будет ограничен хотя бы с точки зрения физического числа их покупателей. В дополнение к этому следует принимать в расчет, что по всем прогнозам в двадцатые годы усилится тенденция относительного удешевления техники (с точки зрения соотношения продажных цен и полезного эффекта).

Также в рассматриваемой перспективе, вероятно, не возникнет потребности в очень быстром росте физических объемов зданий, сооружений и других объектов инфраструктуры постиндустриального сектора. Компактность и эргономичность большей части высокотехнологичных предприятий при продолжении тенденции миниатюризации технологического прогресса — очень весомый довод в пользу такого предположения.

Что касается личного и семейного благосостояния, то направления трансформации его структуры в дальнейшей перспективе в наибольшей степени будут предопределять изменения рациональных потребительских предпочтений. На первый план выходит ценность качества жизни в окружающих природных условиях XXI века. Это предполагает рациональное личное потребление ресурсов, не наносящее вред окружающей среде, и тем самым отказ от расточительного потребления. Осознание бессмысленности пользования ради престижных соображений множеством автомобилей, загородных зданий, для строительства которых используется огромная масса «коричневых» стройматериалов, и других атрибутов роскошной жизни, наносящих вред окружающей среде, станет, возможно, основополагающей чертой будущей потребительской идеологии.

Рациональная модель личного потребления обязательно предполагает здоровый образ жизни. Лучше самому поддерживать свое физическое здоровье и вести адекватный образ жизни, а не покупать кучу заглушающих недуги лекарств.

Наконец, еще один весомый аргумент против максимизации экономического роста обусловлен ожиданием дальнейшего институционального совершенствования основных внутренних рынков в незападных странах. По всем прогнозам, в рассматриваемой перспективе норма прибыли в реальных секторах их экономик уменьшится и приблизится к существующей в западных странах. Сначала это произойдет в Китае, а затем в других азиатских гигантах — Индии и Индонезии и в большинстве остальных постразвивающихся стран. Бурного роста большинства товарных рынков, вызванных конъюнктурными и тем более спекулятивными финансовыми факторами, наблюдаться не будет и, соответ-

ственно, у рыночных субъектов не будет возникать заинтересованности в максимальной аккумуляции капитала.

И стоит обратить внимание на то, что устойчивое воспроизводство будущей мировой экономики постиндустриального типа в период двадцатых годов, наверно, предполагает ее стабильный и равномерный, совсем невзрывной рост. В то же время быстрый рост отдельных рынков, особенно инновационных, вполне возможен.

Впрочем, как бы в завершении экономической темы уместно сделать важное замечание. Устойчиво благоприятные изменения на экономическом поле, объективно достижимые в очень значительной мере благодаря целенаправленной национальной или наднациональной экономической политике, ни в коей мере не следует трактовать как идеальные, так называемые перфекционистские процессы. Но они являются необходимыми для осуществления в принципе максимально эффективных ресурсных и институциональных сдвигов, инициируемых решениями самих рыночных агентов при реализации технологических инноваций и самых разнообразных инвестиций, использовании производственного потенциала и квалифицированного персонала.

Устойчивая системная трансформация на политическом поле. Остановимся теперь хотя бы кратко на совсем мало изученной теме устойчивой трансформации на политическом поле. Она предполагает не просто внутривнутриполитическую стабильность, которая обычно рассматривается в качестве условия для поддержания благоприятного экономического развития тех или иных стран.

Бесспорным представляется вывод в пользу формирования на глобальном уровне многополярного политического порядка, несовместимого с гегемонией одной страны или группы стран, как и со сверхдержавной дуополией (США и его ближайших союзников, с одной стороны, и Китая и России, с другой). Такой антигегемонистский порядок может стать основой для удовлетворения национальных интересов небольших стран.

Потребуется создание гибких, подвижных во времени институциональных механизмов, включая организационные структуры, обеспечения международной безопасности. Неотъемлемым условием глобальной политической устойчивости выступает и утверждение международного правового режима.

Достаточно хорошо известны институты, обеспечивающие устойчивую внутривнутриполитическую трансформацию отдельных стран на принципах демократизации и соревнования. Как свидетельствуют страноведческие исследования, от качества внутривнутриполитических институтов напрямую зависит эффективность, то есть результаты и издержки административного управления на всех его уровнях.

Позитивное влияние формирования устойчивого экономического порядка на трансформацию на политическом пространстве в первую очередь проявится в давно предсказанном сдвиге: политическая элита будет в значительной мере пополняться за счет высшего менеджмента в

инновационном и высокотехнологичном корпоративном секторах, а также в секторах зеленой экономики при сокращении присутствия лидеров финансового и торгового капитала.

Вместе с тем следует отметить и следующее: достижение траектории устойчивой политической трансформации не будет означать всеобщего перехода к совершенному режиму демократического правления в гражданском обществе в соответствии с традиционными представлениями. Тем более применительно к странам, которые в настоящее время не являются действительно демократическими. Тем не менее, возникнут основания надеяться на необратимое утверждение парламентской демократии взамен популистской, перманентно первобытной формы президентского правления и в этой многочисленной группе стран.

Социальный срез устойчивой системной трансформации. Наконец, обратимся к крайне многогранной проблеме устойчивой трансформации на социетальном поле. Ее интегративным критериальным условием, следуя признанным представлениям, выступает справедливое распределения благосостояния в широком его понимании (включая потребление природных и культурных благ, получение образования) между всеми поколениями сограждан при постоянном повышении качества их жизни и достижении надежной социальной сбалансированности.

Устойчивая трансформация рассматриваемого рода должна быть сопряжена с постоянными позитивными улучшениями статусной структуры, в первую очередь неуклонном усилении статусных позиций среднего класса и особенно страт квалифицированных специалистов и независимых инклюзивных предпринимателей. При этом в случае параллельного формирования устойчивого экономического порядка будет происходить обновление состава высших статусных групп.

Исключительное значение, как подсказывает практический опыт, будет иметь реализация синергетического эффекта взаимодополняющих решений по разным направлениям социальной политики. Так, ожидаемый прогресс на поприще борьбы с бедностью и в образовательной сфере, то есть прогресс человеческого фактора, должен попутно материализоваться в значимом улучшении окружающей природной среды. В свою очередь, необходимым условием этого выступает достижение обратного эффекта этих улучшений на состояние всего национального социума. Именно благоприятные экологические условия жизни выступают важнейшим фактором стабильности социальной жизни локальных социумов. А стало быть и социальной стабильности в определенных национальных границах, когда торжествует принцип «жить дома, а не стремиться за границу».

Также необходимо принимать в расчет тесную взаимосвязь между сдвигом массового сознания в сторону экологических ценностей и формированием устойчивого социального климата в отношениях людей всех поколений. Так, основываясь на уже возникшей тенденции, в обозреваемой перспективе уместно ожидать массового участия различных

групп граждан, особенно студентов, неработающих женщин и людей пожилого возраста как волонтеров в природоохранной деятельности.

Судя по сегодняшнему опыту, для приближения к траектории устойчивой социетальной трансформации критическую значимость приобретает стимулирование разнообразных форм добровольного участия граждан в общественной жизни. Оно препятствует социальной эксклюзии отдельных групп населения, в частности, распространению молодежной наркомании. Крайне важное значение имеет и массовое участие мигрантов в деятельности организаций гражданского общества, для чего обязательно требуется реализация специальных образовательных и культурных программ.

Общепризнанно (не только в кругах ООН!), что удовлетворение возрастающих интеллектуальных, моральных и духовных запросов граждан современных стран предполагает благоприятную культурную трансформацию при сохранении дивергенции национальных (субнациональных) культур. В конечном счете, социально-культурная политика призвана способствовать порядковому усилению солидарности граждан как членов общества. Тогда, несмотря на возможные неблагоприятные демографический и миграционный тренды, станет достижимым столь желаемое усиление интеграции различных национальных общностей, выступающее неотъемлемым условием их самостоятельного развития.

Резонно рассчитывать и на самое широкое распространение постматериалистического сознания среди представителей образованных и обеспеченных страт общества. Их предпочтения будут определяться ценностями, выражающимися в свободе самовыражения и качестве жизни. Постматериалисты ставят личный предпринимательский успех и накопление индивидуального богатства наравне с профессиональными достижениями и долговременным человеческим благополучием в рамках окружающей человеческой и природной среды. И, что особенно важно, предприниматели, разделяющие эту идеологию, будут ориентироваться на социальное признание своего устойчиво эффективного бизнеса, а не на максимизацию нормы прибыли.

Впрочем, было бы недальновидно предаваться иллюзии идеального социального обустройства будущего. В прогнозируемой перспективе и в случае вероятного распространения постматериалистического мировоззрения есть все основания ожидать расширения рутинной, совсем не креативной экономической и другой социальной деятельности в условиях применения безлюдных технологий и роботизации. Огромное количество, а возможно, и большинство занятых будет сосредоточено в низкотехнологичных и среднетехнологичных видах деятельности в сфере услуг. Угроза сохранения низких творческих возможностей и запросов этой части населения на фоне превалирования творческих начал в жизни другой его части станет очень значимой.

По нашему представлению, выход из положения в решающей мере связан с возможностью кардинального повышения занятости, в том числе работников интеллектуального труда в эколого-социальном сек-

торе, где возникнет широкое поле для использования технологических инноваций как общественных благ. Этот процесс призван стать всеобъемлющим, охватывающим как растущие мегаполисы и обычные города, так и климатически сложные районы планеты.

Национальный институциональный выбор. В фокусе внимания призвана быть проблема утверждения корневого институционального обеспечения желаемой трансформации социальной системы, в первую очередь отвечающего условиям устойчивости.

Достижение желаемых ориентиров устойчивой трансформации инновационных и высокотехнологичных секторов, как и секторов зеленой экономики предполагает эффективное взаимное дополнение традиционных рыночных и иных институтов. И в первую очередь институтов государственного и государственно-частного, корпоративного и частного некорпоративного предпринимательства.

И можно предположить: условию эффективного институционального дополнения в перспективе будет отвечать *национальная модель среднего пути развития*, исходная идея которого была высказана Генри Джорджем [11] еще в период становления классического капитализма. Эта модель характеризуется именно уравниванием государственного, корпоративного и независимого предпринимательского порядков при первостепенном значении принципов социально эффективной деятельности и социально справедливого распределения. В практическом плане устойчивая трансформация названных порядков означала бы долговременную стабильность экономико-политического курса без существенных поворотов вправо или влево и, тем более, без радикальной смены государственного строя.

Принципиально важно, что утверждение равноценных институциональных механизмов, обеспечивающих частную, корпоративную, государственную и социальную предпринимательскую инициативу, в полной мере соответствует характеру грядущего периода ожидаемых грандиозных технологических перемен в начале двадцатых. Судя по опыту Швеции, Норвегии и Сингапура, успешной адаптации к рынкам технологий Прогресса, в их числе зеленых технологий, благоприятствует именно медианное институциональное устройство экономической и в целом социальной национальной системы.

Как известно, институциональная модель среднего пути развития оказалась успешно адаптирована в скандинавских странах и странах Восточной Азии – Малайзии, Тайване и Сингапуре. И есть основания полагать, что постепенный переход к этой модели во многих развитых странах станет вполне возможным в случае успеха проводимого левоцентристского реформаторского курса во Франции и Германии.

Огромное значение, конечно, будет иметь и вероятная трансформация нынешней модели симбиоза государственного капитализма и рыночного социализма в Китае в известную *модель конвергенции "социализма и капитализма"*, фактически представляющую собой разновидность модели среднего пути. Наиболее весомый аргумент в пользу сказанного

вполне понятен. В отношении среднесрочной перспективы развития китайской экономики потребный ключевой сдвиг состоит в освобождении корпоративного сектора от государственного диктата и сокращении самого государственного сектора при кардинальном расширении пространства для независимого предпринимательства, в том числе инновационного, в соответствии с императивом мировой рыночной конкурентоспособности. Эта потребность особенно усиливается вследствие снижения экспортных преимуществ китайского крупного корпоративного сектора, основанных на дешевизне рабочей силы и экономии на масштабах, при вероятном сокращении иностранных инвестиций, как и остроты региональных проблем, главным образом на западе страны с его бедным крестьянским населением. В результате могут произойти трансформационные сдвиги, достаточные для формирования сбалансированной институциональной структуры постсоциалистической экономики в соответствии с моделью конвергенции. Государственный капитализм как осевой институциональный порядок, по-видимому, останется, но он не будет играть гипертрофированно высокой роли и подминать под себя другие институциональные порядки.

В рассматриваемом контексте, впрочем, имеет смысл остановиться на важной коллизии. Институциональные устройства, характеризующиеся превалированием капиталистических институтов, особенно корпоративных капиталистических, вполне вероятно сохранятся в ряде стран. Однако эти страны не будут получать прежних преимуществ на экономической арене в плане роста капитала, доходов, потребления и занятости. Наоборот, они могут оказаться в проигрыше в условиях утверждения устойчивой глобальной экономической и общесоциальной трансформаций. По крайней мере, в силу двух фундаментальных причин. Во-первых, ожидаемого уменьшения относительного вклада физического капитала и труда, особенно в корпоративном секторе, в экономический выпуск в противоположность относительному увеличению вклада технологического и институционально-управленческого прогресса, притом в значительной степени социализируемого. Во-вторых, замедления и во многих отраслях сокращения коричневой экономики – основной вотины корпоративного и некорпоративного капитализма с его известным институциональным обрамлением.

Сказанное, не ставит под сомнение возможный рост и в будущем локальных рынков недвижимости, отдельных предметов роскоши, особых медицинских препаратов и медицинских услуг (таких, как операции по пересадке стволовых клеток). Вместе с тем роль названных высокодоходных рынков будет заведомо ограниченной на мировом и региональном уровнях.

В случае превалирования в мировом масштабе национальной модели среднего пути развития очевидно произойдет кардинальное ослабление фактора институциональной дивергенции. Тем самым исчезнет главное препятствие для движения к полномасштабной глобализации на экономическом пространстве.

Проектирование устойчивой системной трансформации. Центральным звеном такого проектирования, исходя из предшествующей аргументации, выступает обоснованное позиционирование взаимосвязанного преодоления значимых ресурсных разрывов-гэпов на основных социальных полях и тем самым достижение потенциальных трансформационных рубежей.

На экономическом поле в качестве ключевых ориентиров стабилизационной политики принято рассматривать гэпы загрузки мощностей и использования материальных ресурсов, инфляции и структурной безработицы [12. Р. 157–201]. Также в расчет необходимо принимать структурные балансовые гэпы, которые могут возникать и в будущем. Их преодоление выступает обязательным условием устойчивой системной трансформации; оно недостижимо без активного структурного реформирования, в которое должны быть вовлечены корпоративный и независимый бизнес [13]. Особо сложную задачу представляет программирование постепенного элиминирования гэпа занятости, обусловленного старением населения в развитых странах.

Впрочем, в грядущей перспективе решающее значение в ходе экономической трансформации будет иметь преодоление в значительной степени экзогенного технологического гэпа. Он, следуя классической модели Солоу, проявляется в недостаточной величине тотальной факторной производительности (TFP). Вклад TFP в экономический выпуск должен заведомо превышать вклад в него других драйверов.

По всем прогнозам, влияние демографических перемен и климатических изменений (ухудшений) на потенциальный экономический выпуск в условиях устойчивой системной трансформации может уменьшиться за счет целенаправленных подвижек. Ожидаемое в таком понимании ослабление демографического и климатического гэпов должно быть спрограммировано.

Исключительное значение будет иметь преодоление политических гэпов, от наличия которых существенно зависят результаты общесоциальной системной трансформации. Оно должно выразиться в кардинальном, хотя и весьма постепенном во времени изменении распределения политических ресурсов на всех уровнях социальной системы. При этом должны приниматься в расчет предполагаемые изменения на других социальных полях, как и автономное влияние на политическую жизнь технологических, демографических и климатических перемен (по крайней мере, качественно оцениваемое).

Практика проектирования преодоления общегуманитарных гэпов, в основном зафиксированных в Повестке, утвердила себя во многих странах. Вместе с тем по существу обходится стороной центральный вопрос о проектировании улучшений статусной пирамиды общества. Для их определения необходима оценка влияния на трансформацию статусной структуры экономических и политических институциональных улучшений, а также воздействия технологических и других экзогенных внесистемных изменений. Эти же факторы имеют ключевое значение в от-

ношении социальной политики, направленной на преодоление гэпов миграции и урбанизации. В конечном счете, миграционная политика в широком ее понимании призвана выступать дополнением экономической политики в области занятости.

Особый вопрос касается преодоления недостаточного ресурсного обеспечения развития экосистем разнообразных типов. Как уже отмечалось выше, в глобальном масштабе постепенное преодоление экологических гэпов, как и сокращение климатического гэпа до приемлемого уровня может произойти в решающей мере за счет синергетического эффекта всех экономических, политических и социетальных трансформационных перемен в соответствии с императивами устойчивого развития.

О стратегиях будущего. Применительно к отдельным странам обоснование реально выполнимых подвижек по основным направлениям общесоциальной устойчивой системной трансформации явится важнейшим исходным этапом разработки национальной стратегии развития. Судя по международному опыту, определенно целесообразна фиксация ориентиров устойчивых трансформационных и иных преобразований в рамках системной стратегии развития всего общества, представляемой в форме индикативного плана. В ней должны быть обозначены пути достижения будущего, которого желает и заслуживает (!) большинство национального социума.

Вместе с тем стоит оставаться реалистами. В рамках отдельных направлений национальной стратегии должны быть учтены процессы заведомо нестабильных, ускоренных трансформационных изменений. Достаточно упомянуть о стратегии национальной безопасности и военной доктрине, особенно в части создания новейших технологий и образцов вооружений. Для разработки этих стратегий требуются специальные подходы, давно апробированные на практике.

Вполне понятно позитивное влияние, которое может оказать разработка национальных стратегий желаемой общесоциальной системной трансформации на существующую практику проектирования и публичного мониторинга под эгидой ООН целевых ориентиров УР по выбранным выборочным направлениям. Посредством интеграции национальных стратегий могут быть оценены возможности достижения этих ориентиров во времени, как и в пространстве по разным странам и в целом на глобальном уровне.

В завершение неизбежно возникает очень объемная тема, которую следует хотя бы упомянуть. Нельзя не признать, что реализация стратегических замыслов прогрессивного, в первую очередь устойчивого развития и в период двадцатых годов натолкнется на серьезные разнообразные препятствия – источники рисков. Достаточно сказать об угрозах техногенных катастроф (так, восстание роботов с искусственным интеллектом уже не является темой исключительно фантастической литературы), неизведанных ранее эпидемий и этно-национальных конфликтов.

Целенаправленно поддерживаемое движение по траекториям устойчивой общесоциальной системной трансформации отнюдь не является

путем в «светлое будущее». Перед человеческим сообществом снова и снова будут вставать новые животрепещущие проблемы. Но они в случае утверждения идеологии и практики устойчивого развития будут разрешаться приемлемым образом, без продолжительных кризисов и грандиозного социального ущерба, на основе глобального, региональных и национальных консенсусов.

Литература

1. *Мартынов А. В.* Системная трансформация экономики и общества: Российский выбор // М.: ЛЕНАНД. 2016.
2. *Зальвский Н.* Индекс счастья в странах Арктики: индексное измерение и сопоставление динамики развития экономики Арктического мира // Арктика и Север. 2016. № 22. С. 43–65.
3. *Taylor L.* Income distribution, inflation and growth // Cambridge. 1991.
4. *Мартынов А.* К вопросу об универсальной теории экономической системной трансформации // Общество и экономика. 2018. №4. С. 5–30.
5. *Адрианов В.* Концептуальные подходы к разработке Стратегии устойчивого развития экономики России до 2030 года// Общество и экономика. 2016. №5. С. 5–36.
6. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития до 2030 года. Итоговый документ саммита ООН, принятый 25 сентября 2015 года. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1>
7. Global Sustainable Development Report 2016. United Nations, 2016. URL: <http://sustainabledevelopment.un.org/globalsdreport/2016>
8. *Acemoglu D., Liabson D., List J.* Why Isn't the Whole World Developed? // Chapter 8, in *Macroeconomics*, Pearson. 2015. URL: <http://pearsonhighered.com>.
9. G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development. Geneva. 2016. URL: <http://ictsd.org>.
10. *Enders J. and Remig M.* (eds.) *Theories of Sustainable Development* // Abingdon: Routledge. 2015.
11. *Джордж Г.* Прогресс и бедность // С.-Петербург. 1896.
12. Global economic prospects. January 2018. The World Bank. 2018. URL: <http://worldbank.org>.
13. The European Commission's 2018 assessment of macroeconomic imbalances and progress on reforms. ECB economic bulletin. Issue 2: Brussels. 2018.